

Андрус ПОРК

«КОНКУРЕНЦИЯ» ПРИЧИН В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЪЯСНЕНИИ

I

В буржуазной «критической» философии истории за последнее время наблюдается новая тенденция: интерес к проблеме «конкурирующих» причин в историческом объяснении¹. Элементы этой тенденции можно найти в работах У. Х. Дрея, особенно в его анализе причинности в концепции английского историка А. Дж. П. Тейлора о второй мировой войне², в «модели» А. Донагана о верификации альтернативных исторических объяснений³, в статье М. Хэммонда о «взвешивании» причин в историческом объяснении⁴ и др. Но самым видным представителем этого нового течения является американский профессор Раймонд Мартин. Он намерен выполнить целую программу исследований с целью выяснить, как историки показывают, что одно объяснение лучше, чем «конкурирующие». По его мнению, к исследованиям по этой важной проблеме в англоязычной философии истории лишь только приступают. Р. Мартин считает исследование проблемы «конкуренции» объяснений и, соответственно, «конкуренции» причин самой важной задачей «критической» философии истории 80-х годов⁵.

Р. Мартин выступает против концепции неизбежной субъективности суждений об относительной важности причин в историческом объяснении. По его мнению, историки способны объективно показать, что одна причина в историческом объяснении важнее другой. Возможность объективных исторических суждений об относительной важности причин в историческом объяснении Р. Мартин пытается доказать путем контрфактического анализа. Он утверждает, что «хорошие» историки, как правило, пытаются защищать свои суждения об относительной важности причин методами, которые допускают контрфактическую интерпретацию.⁶ При этом ход рассуждения можно изобразить следующей схемой⁷:

¹ Свою точку зрения на критику немарксистских концепций исторического объяснения и на основные принципы марксистского подхода к историческому объяснению автор высказал в ряде публикаций, в том числе: *Порк А.* Историческое объяснение. Критический анализ немарксистских теорий. Таллин, 1981; *Порк А.* По поводу принципов исследования «рационального» объяснения в исторической науке. — *Философские науки*, 1980, № 2, 134—137; *Порк А.* Проблема объяснения в современной немарксистской философии истории. — *Философские науки*, 1983, № 4, 102—110.

² *Dray, W. H.* Concepts of causation in A. J. P. Taylor's account of the Second World War. — *History and Theory*, 1978, 17, 149—174.

³ *Donagan, A.* Alternative historical explanations and their verifications. — *The Monist*, 1969, 53, 58—89.

⁴ *Hammond, M.* Weighting causes in historical explanation. — *Theoria*, 1977, 43, 103—128.

⁵ *Martin, R.* Causes, conditions and causal importance. — *History and Theory*, 1982, 21, 74; см. также: *Martin, R.* Beyond positivism: a research program for philosophy of history. — *Philosophy of Science*, 1981, 48, 112—121.

⁶ *Martin, R.* Causes, conditions and causal importance, 74.

⁷ Там же, 69. При переводе положений схемы Р. Мартина латинские буквы заменены соответствующими русскими.

А было более важной причиной П в отношении Ø, чем Б, если:

1) А и Б были причинами П в отношении Ø, и
2) либо А было необходимым для П, либо Б не было необходимым для П, и

3) если Б не имело бы места, то что-то имело бы место, что ближе к П, чем то, что имело бы место, если А не имело бы места.

Например, если историк утверждает, что вторжение варваров в Римскую империю (А) было более важной причиной упадка Римской империи (П), чем разделение ее на две части (Б), то его утверждению можно дать следующую контрфактическую интерпретацию: без факта разделения империи возникла бы ситуация, которая была бы ближе к ситуации упадка, чем ситуация, которая возникла бы без вторжения варваров. Символ Ø обозначает ситуацию, с которой сравнивают историческую ситуацию, где П имело место, для того чтобы выяснить возможные причины П. Например, поскольку падение Римской империи имело место в V веке н. э., то для сравнения можно использовать исторический период ее развития в I—II вв. н. э.

Что можно сказать по этому поводу? Нет сомнения, что историки действительно довольно часто оперируют понятием относительной важности причин в смысле, допускающем контрфактический анализ. Но, с другой стороны, видно, что схема Р. Мартина явно «скользит» по поверхности важной и существенной проблемы. Дело в том, что после вышеуказанного контрфактического анализа все равно предстоит ответить на следующий вопрос: как историк показывает, что если Б не имело бы места, то что-то имело бы место, что ближе к П, чем то, что имело бы место, если А не имело бы места? Другими словами, проблема «конкуренции» причин не решается и не «снимается», а как будто «продвигается» на один шаг дальше, возникая опять перед нами, но теперь уже в сложной контрфактической форме. Какой же выход из этого положения? Автору настоящей работы представляется, что на данном этапе исследования проблемы невозможно однозначно ответить на вопрос о «конкуренции» причин в историческом объяснении. Но можно приблизиться к такому ответу путем создания марксистской типологии различных приемов и методов, которыми историки пользуются, когда доказывают, что одна причина важнее другой.

Итак, целью настоящей работы является разработка марксистской типологии некоторых характерных путей решения проблемы «конкуренции» причин в работах историков. Следовательно, ее можно рассматривать и как попытку разработки одного из аспектов более широкой проблемы, а именно — «конкуренции» исторических объяснений.

II

Методологические принципы, применяемые в настоящем исследовании, можно разделить на две группы. Первая группа — это центральные положения марксистской методологии: принципы объективности, историзма, партийности, социальной детерминации познания⁸ и т. д. Эти принципы общеизвестны, о них существует огромная литература, и нет смысла подробно останавливаться на них.

Из другой группы принципов выделим два более частных, имеющих значение для исследования проблемы «конкуренции» причин в истории.

Во-первых, принцип типологии. В дискуссиях буржуазных философов истории упор обычно делается на поиски «настоящей»,

⁸ Ср.: *Martin, R. Causes, conditions and causal importance*, 68.

единственно правильной формы исторического объяснения. На наш взгляд, надо исходить из факта множественности конкретных форм и типов исторического объяснения (и «конкуренции» причин) и, соответственно, как выше было сказано, пытаться создать типологию, дать систематизацию этих конкретных типов исторического объяснения (и «конкуренции» причин).

Во-вторых, принцип ориентации на реальные дискуссии. Методолог истории должен концентрировать свое внимание на реальных дискуссиях историков о «конкуренции» причин. Применение этого принципа делает методологию истории эвристически более полезной для историков, приближает гносеологические поиски философов к практическим нуждам исторической науки.⁹ Историки обычно задают философские вопросы, когда спорят о различных объяснениях исторических событий, о том, какие причины были более важными и какие — менее важными в процессе возникновения того или иного исторического явления. Даже наиболее эмпирически настроенные историки пользуются в подобном рода дискуссиях понятиями «неизбежность», «случайность», «важность», «возможность», «закономерность» и т. д. Философские аспекты исторических дискуссий о «конкуренции» причин приобретают наибольшее значение тогда, когда историки сосредоточивают свое внимание на центральных событиях истории, при интерпретации которых различные научные и идеологические направления резко расходятся. К примеру, можно сослаться на дискуссии о причинах Великой Октябрьской социалистической революции между марксистскими историками И. И. Минцем, Ю. И. Игрицким и др. и буржуазными историками Р. В. Даниелсом, А. Уламом и др.¹⁰

Исходя из вышеуказанных принципов, попытаемся разработать типологию вариантов «конкуренции» причин в историческом объяснении, принимая в качестве базисной формы высказывание: «**А** является более важной причиной **П**, чем **Б**», где **А** и **Б** обозначают различные причины (или группы причин), а **П** обозначает исторический феномен, который историк пытается объяснить. Естественно, здесь нас интересует не фактическая корректность тех или иных объяснений, предлагаемых историками (выяснение этого — задача историков), а их гносеологическая структура.

III

При решении проблемы «конкуренции» причин самым распространенным является прием, который может быть назван «простым отрицанием». Смысл этого приема — либо полностью, либо частично отрицать существование определенной объясняющей причины. Полное «простое отрицание» можно изобразить в виде следующего положения:

Б не было важной причиной **П**,
потому что **Б** не существовало, (P1)
а **А** было важной причиной **П**,
потому что **А** существовало.

Данный вариант гносеологически самый простой и наиболее часто встречающийся в работах историков. В качестве примера можно со-

⁹ Конечно, как отмечает У. Х. Дрей (имея в виду немарксистскую философию истории), иногда философы и не предполагают, что они должны «помочь» историкам. (Dray, W. H. Perspectives on History. London, etc., 1980, 3.) Автор настоящей работы считает, что одной из основных функций марксистской методологии истории должна быть эвристическая, практическая польза для конкретно-исторических исследований.

¹⁰ См., напр.: Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974.

слаться на объяснение состояния финансов Суллы в период его войны с Митридатом. Историк Б. П. Селецкий утверждает, что важной причиной наличия денежных ресурсов у Суллы были не конфискации, к которым он в это время практически не прибегал, а добровольный заем, предоставленный Сулле греческими храмами. Этот факт подтвержден историческими источниками.¹¹

Но, строго говоря, «простое отрицание» остается вне интересующей нас области прежде всего потому, что одна причина здесь полностью отвергается, отчего мы можем говорить о «конкуренции» причин лишь в довольно относительном смысле.

Частичное «простое отрицание» существования объясняющей причины имеет следующую форму:

А было более важной причиной **П**, чем **Б**,
потому что **Б** было менее интенсивным (P2)
(менее распространенным во времени и в
пространстве, и т. д.), чем **А**.

Для иллюстрации (P2) можно найти множество примеров в работах историков. Например, В. И. Кузищин утверждает, что более важной причиной развития классической римской экономики (**П**) была производительность не латифундии (**Б**), а виллы (**А**), как самой распространенной, обычной «клеточки» римской экономической системы.¹²

Или другой пример. И. П. Шаскольский полагает, что походы в юго-восточную Эстонию Ярослава Мудрого в 1030 г. и Изяслава Ярославича в 1054 и 1060 гг. являются признаком того, что киевские князья были очень заинтересованы в сохранении своего господства в этом регионе.¹³ И. П. Шаскольский задает вопрос, что было более важной причиной этого явления: или статус Эстонии как транзитного пункта для международной торговли, через который проходили важные торговые пути к Балтийскому морю, или экономическое состояние самой юго-восточной Эстонии в тот период, т. е. возможность обложить ее данью. Анализируя, он показывает, что основные торговые центры располагались на берегу моря, т. е. вне региона, который входил в древнерусское государство. Это означает, что торговля (**Б**) была менее развита в юго-восточной Эстонии. С другой стороны, размер дани, получаемой с этой территории киевскими князьями, был довольно внушительным, равным, например, сумме, которую богатый Новгород вносил в великокняжескую казну¹⁴ (т. е. **А** было довольно интенсивным). Поэтому И. П. Шаскольский приходит к заключению, что возможность взимать дань была, по всей видимости, более важной причиной интереса киевских князей к этому региону.¹⁵

Та же структура прослеживается в полемике Б. А. Рыбакова, И. П. Шаскольского и других советских историков с представителями т. н. норманской теории, которые, как известно (к примеру, Г. Вернадский, Х. Пашкевич), выделяют роль варягов в истории образования древнерусского государства. В своей полемике против «норманистов» советские историки показывают, что внутренние социально-экономические факторы (**А**) образования Руси были более важными, чем кратковременное пребывание здесь варягов (**Б**), к тому же численность

¹¹ Селецкий Б. П. Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором. — Вестник древней истории, 1982, № 2, 63—75.

¹² Кузищин В. И. Некоторые проблемы изучения рабовладельческого способа производства. — Вопросы методологии и истории исторической науки, 1978, вып. 2, 60—71.

¹³ Шаскольский И. П. Эстония и Древняя Русь. — В кн.: *Studia historica in honorem Hans Kruus*. Tln., 1971, 115—130.

¹⁴ Там же, 129.

¹⁵ Там же, 129—130.

варягов (согласно данным археологии) была незначительной, их влияние сильнее сказывалось на окраинах Руси, поскольку жили они обычно не в русских городах, а в своих поселениях и т. д.¹⁶

IV

Операции с (П) являются своеобразным путем решения вопроса о «конкуренции» причин в историческом объяснении. Это означает, что в ходе поисков ответа на вопрос об относительной важности причин историк заменяет, или существенно изменяет, событие, которое он пытается объяснить. Этот прием можно рассматривать тоже как отрицание, но отрицание, связанное с заменой или модификацией объясняемого исторического явления и его отражения в языке историка (т. е. экспланандума). Структуру этого приема можно представить в следующей форме:

А было более важной причиной, чем Б,
потому что мы не должны искать
причины П, потому что П не существовало,
но существовало З, и А было
более важной причиной З, чем Б. (РЗ)

С точки зрения какой-либо строгой позитивистской логической теории объяснения, ход рассуждения (РЗ) может показаться странным и ошибочным, тем не менее исследователи довольно часто к нему прибегают в силу сложности и неоднозначности объектов исторических исследований и исторической терминологии. В качестве примера можно сослаться на рассуждения М. А. Барга в его монографии¹⁷, где он пытается выяснить, что послужило самой важной причиной (или группой причин) кризиса европейского общества в XIV—XV вв., критически анализирует работы многих немарксистских авторов по этому вопросу (В. Абеля, Фр. Лютге, М. М. Постана и др.)¹⁸. Гносеологически наиболее интересны критические замечания М. А. Барга по концепции Фр. Лютге.¹⁹ Согласно объяснению Фр. Лютге, основной причиной кризиса стала серия эпидемий в Европе, начиная с эпидемии чумы («черной смерти») в 1347—1351 гг.²⁰ М. А. Барг указывает, что Фр. Лютге игнорирует фактор общественных отношений, характеризующих рассматриваемый способ производства.²¹ Из текста М. А. Барга явствует, что фактор общественных отношений (А) — более важная причина, чем фактор эпидемий (Б). Но для нас гносеологически интересно то, что М. А. Барг по-новому интерпретирует само понятие кризиса XIV—XV вв. Он считает, что вместо какого-то общего кризиса в Европе того времени происходил кризис старой сеньориальной системы, связанной с переходом на денежную форму ренты,²² и отмечает, что понятие «кризис XIV—XV вв.» остается пустым, если его не уточнить и не конкретизировать.²³ Он добав-

¹⁶ Рыбаков Б. А. Возникновение и развитие феодализма. — В кн.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1975, 53—61; Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965.

¹⁷ Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.

¹⁸ Там же, 175—195.

¹⁹ Lütge, Fr. Das 14./15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. — Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1950, 162. (Цит. по упомянутой работе М. А. Барга).

²⁰ Барг М. А. Проблемы социальной истории, 181—182.

²¹ Там же, 184.

²² Там же, 202—204.

²³ Там же, 214.

ляет, что вместо кризиса феодализма в Европе этого времени имела место трансформация феодализма, переход его в новую ступень развития, кульминацией которой стало формирование централизованных государств²⁴; крестьянские дворы были поставлены в центр производства прибавочного продукта, и часть феодальной ренты была трансформирована в форму централизованных государственных налогов.²⁵

Структура аргументации М. А. Барга довольно сложна, но очень типична для исторических дискуссий о «конкуренции» причин. Представляется, что эту структуру можно интерпретировать следующим образом: **А** (развитие общественных отношений, которые характеризуют феодальный способ производства) было более важной причиной, чем **Б** (эпидемии XIV в.), потому что мы не должны искать причины **П** (общий кризис европейского общества в XIV—XV вв.), потому что **П** не существовало, но существовало **З** (трансформация европейского общества в новую ступень развития феодализма), и **А** было более важной причиной **З**, чем **Б**.

Аналогичная структура прослеживается в анализе историка С. Вахтре причин резкого снижения рождаемости в Эстонии в конце XVIII и начале XIX столетий. С. Вахтре приходит к заключению, что никакого снижения рождаемости в это время не было.²⁶

В рассмотренных случаях имеет место полная замена экспланандума **П**. Но возможно также, что экспланандум лишь модифицируют. Например, допустим, два историка спорят о причинах падения Западно-Римской империи. Один историк утверждает, что развитие таких полуфеодальных экономических институтов, как *servi casati, inquilini, origiparii, tributarii* и т. д., было более важной причиной падения Западно-Римской империи, чем субъективные намерения Одоакра. Другой же возражает, утверждая, что субъективные намерения Одоакра были более важной причиной того факта, что Западно-Римская империя перестала существовать в 476 г., чем упомянутые полуфеодальные экономические институты. Ясно видно, что второй историк рассматривает модифицированный экспланандум: он пытается объяснить не то, почему Западно-Римская империя перестала существовать вообще, а то, почему она перестала существовать в 476 г. Структура этого рассуждения немного отличается от структуры (P3):

А было более важной причиной, чем **Б**,
потому что мы должны искать не
причины **П**, а причины модифицированного
П, и **А** было более важной причиной моди-
фицированного **П**, чем **Б**. (P4)

Структура рассуждения при замене **П** может быть иногда противоположной: объясняя, почему **П** не имело места в определенной исторической ситуации, историк может прийти к заключению, что на самом деле **П** (или какое-то модифицированное **П**) существовало. Подобную структуру можно, например, наблюдать в обсуждении Л. В. Черепниным причин того, почему после восстания Е. Пугачева в 1773—1775 гг. в России не было больше крестьянских войн.²⁷ Он перечисляет некоторые возможные ответы на этот вопрос: усиление военного и политического

²⁴ Барг М. А. Проблемы социальной истории, 211—212.

²⁵ Там же, 215.

²⁶ Vahtra, S. Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi esimesel poolel. — Rmt.: Ajaloo järskudel radadel. Tln., 1966, 56—83.

²⁷ Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, 5—25.

аппарата государства, дальнейшая имущественная дифференциация крестьянства, превращение части казаков из революционной силы в привилегированных солдат царского режима. «Но главное заключалось в том, что крестьянское движение перешло на новую, более высокую ступень. Оно стало массовым, широко повсеместным, переросло даже те рамки, в которых развивались крестьянские войны. Назревали революционная ситуация и революция»²⁸.

Итак, мы можем сказать, что основной причиной прекращения крестьянских войн в русской истории после 1775 г. стали модифицированные формы борьбы крестьянства; «загадка» решена: на самом деле крестьянские волнения имели место, но в модифицированной, более совершенной форме. Если все причины типа «превращение казаков» и т. д. обозначить буквой **Б**, то ход рассуждений Л. В. Черепнина можно передать посредством следующей структуры:

Б не было важной причиной отсутствия **П**, важной причиной отсутствия **П** было существование модифицированного **П**. (P5)

V

В качестве примера еще раз рассмотрим крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева. Как известно, армия Е. Пугачева была разгромлена регулярными войсками императрицы Екатерины II. Редактор основательного трехтомного исследования о крестьянской войне 1773—1775 гг. В. В. Мавродин с гносеологической точки зрения очень интересно анализирует относительную важность причин поражения Е. Пугачева.²⁹ Он разделяет эти причины на две группы: ошибки Пугачева (напр., его длительная задержка под Оренбургом) и объективные причины (хорошая организация и лучшее вооружение регулярной армии, конфликты между казаками и крестьянами в армии Пугачева, нежелание крестьян в походах покидать свои родные места и т. д.). В. В. Мавродин считает, что объективные причины были намного важнее, чем ошибки, которые Пугачев якобы допустил³⁰, и ссылается при этом на закономерность, сформулированную В. И. Лениным: «Начиная со средневековой «крестьянской войны» в Германии... мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его»³¹.

Цитата из работы В. И. Ленина указывает на закономерность: восстания типа крестьянской войны в Германии регулярно подавлялись более организованным (и т. д.) правящим меньшинством. Представляется, что структуру рассуждения В. В. Мавродина можно изобразить следующим образом:

А было более важной причиной **П**, чем **Б**, потому что в рассматриваемый исторический период существовала такая тенденция, что явления типа **А** влекли за собой явления типа **П**. (P6)

А является здесь символом, обозначающим группу объективных при-

²⁸ Там же, 20.

²⁹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, 1—3. Л., 1961—1970.

³⁰ Там же, 3, 467—468.

³¹ Там же, 468. См. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., 34, 40.

чин; **Б** — ошибки Пугачева; **П** — поражение армии Пугачева в крестьянской войне.

Другая структура рассуждений историков о «конкуренции» причин в истории имеет аналогичную форму:

А было более важной причиной **П**, чем **Б**,
потому что причины типа **А** всегда (Р7)
(обычно, как правило, и т. д.)
более важные, чем причины типа **Б**.

Рассмотрим, например, как объясняет Ю. Какх аграрные реформы в Эстляндии и Лифляндии в начале XIX столетия.³² Эти реформы были направлены на некоторые «косметические» изменения крепостной системы в регионе. Ю. Какх перечисляет ряд взаимосвязанных причин проведения этих реформ: рост спроса на зерно на рынке; усиление эксплуатации крестьян в форме отработочной ренты; обострение классовой борьбы, увеличение числа выступлений крестьян; обращение балтийского дворянства к царскому правительству с просьбой утвердить систему отработочной ренты в форме закона; нехватка хлеба в деревнях; критика крепостной системы либеральными публицистами; определенное влияние Французской революции и т. д. Но основная причина реформ, согласно концепции Ю. Какха, — в сфере производства: попытки расширения производства больше обострили классовую борьбу, и это заставило правящий класс пойти на реформы.³³ С гносеологической точки зрения интересно то, что вышеуказанное высказывание об основной причине подтверждается программным положением во вводной части книги. Ю. Какх утверждает: «Основные направления и последствия развития общественной жизни определяются общественным бытием, т. е. общественным производством и человеческими отношениями, формирующимися в процессе производства. И в настоящей книге мы пытались найти ответы на вопросы типа: «Чем определена сущность аграрной политики помещиков» или «Что является источником идеологии крестьянства» как раз в сфере общественного бытия»³⁴.

Если символом **А** обозначить ситуацию в сфере общественного бытия в вышеуказанном смысле, а символом **Б** — группу причин типа влияния Французской революции, протестов либеральных публицистов и т. д., то можно сказать, что рассуждение Ю. Какха имеет форму структуры (Р7): **А** (ситуация в сфере общественного бытия) была более важной причиной **П** (реформы), чем причины группы **Б** (выступления либеральных публицистов, влияние Французской революции и т. д.), потому что причины типа **А** всегда более важные, чем причины типа **Б**.

VI

Иногда историки утверждают, что одна из «конкурирующих» причин сама порождает какую-нибудь другую «конкурирующую» причину. В этом случае высказывание о «конкурирующих» причинах может иметь форму:

А было более важной причиной **П**, чем **Б**,
потому что **А** было также причиной **Б**. (Р8)

³² *Kahk, J. Rahutused ja reformid. Tln., 1961.*

³³ Там же, 302—304.

³⁴ Там же, 39. Аналогичные программные положения изложены также в кн.: *Kahk, J. Peasant and Lord in the Process of Transition from Feudalism to Capitalism in the Baltics: An Attempt of Interdisciplinary History. Tln., 1982, 11—18.*

Наглядный пример подобного рассуждения можно найти в полемике о причинах Великой Октябрьской социалистической революции. Полемизируя с буржуазными идеологами, Ю. И. Игрицкий ставит вопрос о том, что было более важной причиной Октябрьской революции: первая мировая война или экономические и социальные противоречия капиталистического общества.³⁵ Ю. И. Игрицкий критикует концепцию, сформулированную в 1920-е годы лидером бывшей партии кадетов П. Н. Милюковым, который утверждал, что основной причиной большевистской революции была война. Возражая против «военной причины», Ю. И. Игрицкий указывает, что сама война была обусловлена экономическими и социально-политическими противоречиями капитализма.³⁶

Иногда структура (P8) принимает более сложный вид:

А было более важной причиной П, чем Б,
потому что А было также причиной З, и
З было причиной Б. (P9)

В качестве примера можно сослаться на полемику об известной «аномалии» германской истории: в XI—XII вв., на фоне в основном децентрализованных западно-европейских государств, Германия представляла собой относительно централизованное государство, начиная же с XIII—XV столетий она была разделена на отдельные княжества, тогда как в других европейских странах (напр., во Франции) шел процесс экономической и политической централизации. Советский историк Н. Ф. Колесницкий указывает, что существуют три главные причины упадка могущества Германии в XIII—XV вв.: итальянская политика императоров; утверждение принципа, согласно которому германский император избирался князьями (что в корне отличается, напр., от ситуации во Франции); и отсутствие для Германии внешней опасности, которая сделала бы настоятельной необходимостью политическое объединение в национальном масштабе (как реконкиста в Испании, борьба против татаро-монгольского ига в России и т. д.).³⁷ Н. Ф. Колесницкий подчеркивает, что решающей причиной была итальянская политика императоров. Он указывает, что германские императоры постоянно нуждались в военной помощи князей, чтобы продолжать походы в Италию. «Ради этой помощи и поддержки императоры отказывались в пользу князей от своих верховных государственных прерогатив»³⁸. Среди этих прерогатив одной из самых важных представляется наследственность императорской власти. По-видимому, ходу мысли Н. Ф. Колесницкого можно дать следующую интерпретацию: А (итальянская политика) было более важной причиной П (упадок Германской империи), чем Б (принцип избрания императоров князьями), потому что А было также причиной З (факт, что императоры нуждались в военной помощи князей), и З было причиной Б. Если же картину еще более усложнить, прибавив эксплицитно Х (отказ императоров от своих верховных государственных прерогатив), то последнюю часть структуры (P9) можно представить следующим образом: ... потому что А было также причиной З, и З было причиной Х, и Х было причиной Б.

³⁵ Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии, 104—106.

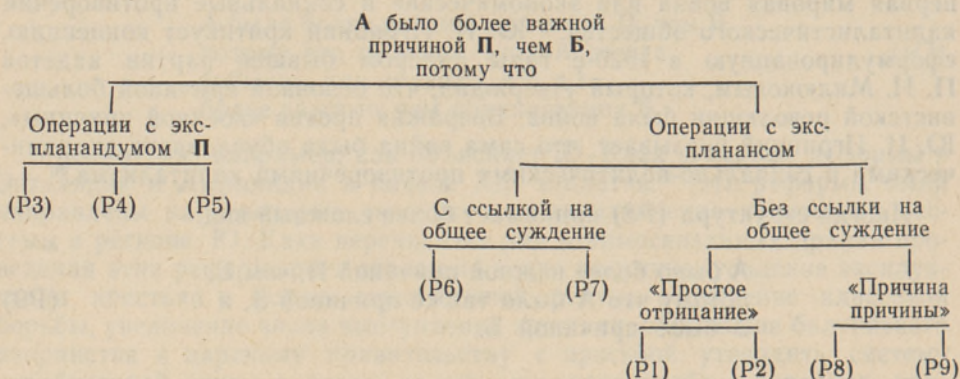
³⁶ Там же, 106.

³⁷ Колесницкий Н. Ф. Священная Римская империя, притязания и действительность. М., 1977, 190—193.

³⁸ Там же, 191.

VII

Варианты рассуждений историков о «конкуренции» причин в объяснении легко поддаются систематизации в виде следующей схемы:

Как уже было сказано, данное перечисление вариантов ни в коем случае не претендует на полноту или строгость. Вполне ясно, что дальнейшие исследования позволят выявить еще некоторое множество конкретных структур рассуждений историков о «конкуренции» причин в объяснении и внести существенные коррективы в предложенную здесь систематизацию. Но только путем исследования и систематизации довольно большого количества реальных примеров «конкуренции» причин в историческом объяснении можно преодолеть характерную для немарксистской философии истории «скованность» к единичным примерам объяснения, значение которых абсолютизируют.

Выделенные варианты структур рассуждений о «конкуренции» причин в историческом объяснении должны быть поняты диалектически. В реальном историческом познании никогда нельзя выявить «чистые» формы и структуры; выделение какой-то структуры означает уже определенную абстракцию, в известном смысле упрощение дела. Но как раз через абстракции можно понять сущность объекта исследования: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно **правильное** /.../ от истины, а подходит к ней»³⁹.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 29, 152.

Представил Я. Ребане

Институт истории
Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
17/IX 1984

Andrus PORK

«KONKUREERIVAD» PÕHJUSED AJALOOSELETUSES

Artiklis on esitatud ajalooseletuses kasutatavate «konkureerivate» põhjuste tüpologia. Arutluste lähtepunktiks on väide: «**A** oli sündmuse **P** tähtsam põhjus kui **B**». Ajaloolaste vaidlustes «konkureerivate» põhjuste üle saab eristada kahte tunnetusoperatsioonide põhitüüpi: 1) operatsioonid eksplanandumiga (eksplanandumi kirjeldamise ja modifitseerimise eri variandid); 2) operatsioonid eksplanansiga (viited üldisele väitele, seletavate põhjuste lihtne eitamine, katsed leida «põhjuste põhjust»).

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saabunud
17. IX 1984

Andrus PORK

COMPETING CAUSES IN HISTORICAL EXPLANATION

A typology of some patterns of competing causes in historical explanation is proposed. A statement of the form «**A** was a more important cause of **P** than **B**» is taken as a basic model. It is shown that there are two main groups of intellectual operations that can be identified in historians' discussions about the competing causes: operations with an explanandum (i. e. various forms of re-description and modification of explanandum) and operations with an explanans (i. e. references to the general judgement, a simple denial of the existence of explanatory causes, attempts to find «a cause of the cause»).

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
Sept. 17, 1984